

Л. Б. Вишняцкий
ИИМК РАН, Санкт-Петербург

ТРЕУГОЛЬНЫЕ БИФАСИАЛЬНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ С ВОГНУТЫМ ОСНОВАНИЕМ И ДИСКУССИЯ О КОРНЯХ СТРЕЛЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопрос о генезисе стрелецкой культуры был впервые поставлен выделившим её А. Н. Рогачевым [Рогачев, 1957]. Впоследствии эту тему затрагивали многие исследователи, но по-настоящему детальное рассмотрение она получила только в работах М. В. Аниковича (см., например: [Аникович, 1983; 2001—2002; 2013]). Выявив ряд типологических параллелей между микокскими индустриями Крыма и Русской равнины, с одной стороны, и инвентарем памятников стрелецкой культуры — с другой, он истолковал их как свидетельство генетической связи между этими явлениями. И гипотеза в целом, и отдельные её положения не раз подвергались критике [Гладилин, Демиденко, 1989; Чабай, 2011; Матюхин, 2012. С. 218—220]. В ряде своих работ, и особенно в посмертно опубликованной статье, М. В. Аникович подробно ответил на большинство замечаний оппонентов [Аникович, 2013], но один важный вопрос фактически обойден в ней молчанием — это вопрос о наличии в среднем палеолите Восточной Европы треугольных бифасиальных наконечников с вогнутым основанием. Между тем в построениях М. В. Аниковича и в развернувшейся вокруг них дискуссии эти наконечники играют особую роль. Из всех форм орудий, фигурирующих в качестве возможных типологических параллелей между микокком и стрелецкой культурой, они стилистически наиболее выразительны и легко опознаваемы. В этой статье я попытаюсь суммировать информацию о таких вещах, дать их оценку в контексте рассматриваемой проблемы и приведу новые сведения о возрасте некоторых из них.

Первым, кто отметил сходство и возможность преемственности между среднепалеолитическими и стрелецкими формами, был А. Н. Рогачев. В 1950 г. он писал о наконечниках из 5-го слоя Костенок I: «Ближайшей аналогией этим наконечникам метательных орудий являются известные северо-испанские наконечники с вогнутым основанием. Обермайер считает их солютрейскими. <...> Сходный по форме наконечник копья имеется в Ильской палеолитической стоянке. <...> Следовательно, наконечники из нижнего слоя Костенок I не являются какой-то чуждой формой для Европейской части СССР. По сравнению с наконечником из Ильской они представляют более совершенные формы этого орудия ([Рогачев, 1950. С. 72]; см. также:

[Рогачев, 1957. С. 40, 123]). В последующие годы эту мысль поддержали А. П. Окладников [Окладников, 1954. С. 16], А. Н. Формозов [Формозов, 1958. С. 85], О. Н. Бадер [Бадер, 1961. С. 127], а затем и многие зарубежные исследователи, искавшие свидетельства местного генезиса верхнего палеолита Европы. Вполне определенно о возможной генетической связи между костенковско-стрелецкой индустрией с бифасиальными наконечниками с вогнутым основанием и микокком Восточной Европы писал А. Дельпорт [Delporte, 1963. P. 43], ссылаясь при этом на наконечники из Ильской и Староселья. По-видимому, и саму идею, и аргументы он почерпнул в книге А. Н. Формозова о Староселье [Формозов, 1958].

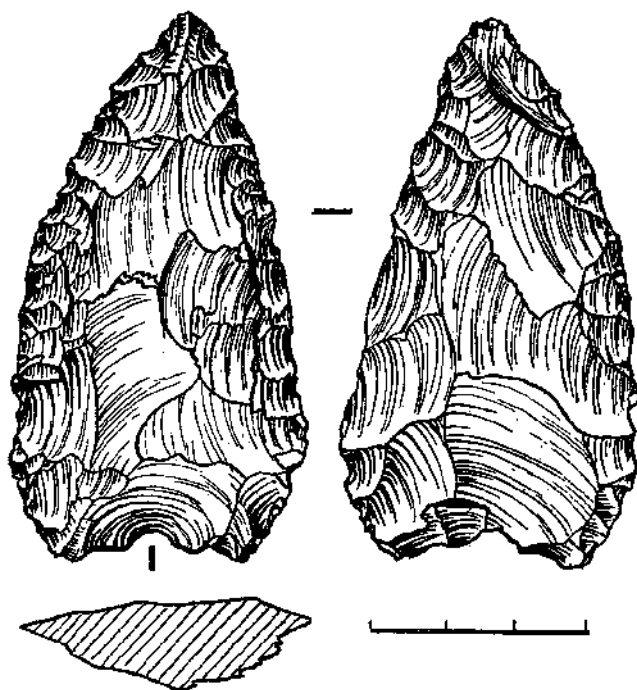

Рис. 1. Бифасиальный наконечник из Староселья [Формозов, 1958]

В. Хмелевский полагал, что «костенковско-сунгирская культура развилась на основе ильско-кииккобинской культуры». У обеих, писал он, много общих черт в области технологии изготовления орудий и в типо-

логии. При этом он отмечал наличие и там и там треугольных двусторонне ретушированных наконечников с вогнутым основанием [Chmielewski, 1972. P. 176]. Ф. Борд также считал возможным выводить индустрию 5-го слоя Костенок 1, не имеющую, как он считал, «ничего общего ни с ориньяком, ни с перигордью», из «русского мустье с листовидными бифасами» [Bordes, 1972. P. 215, 216].

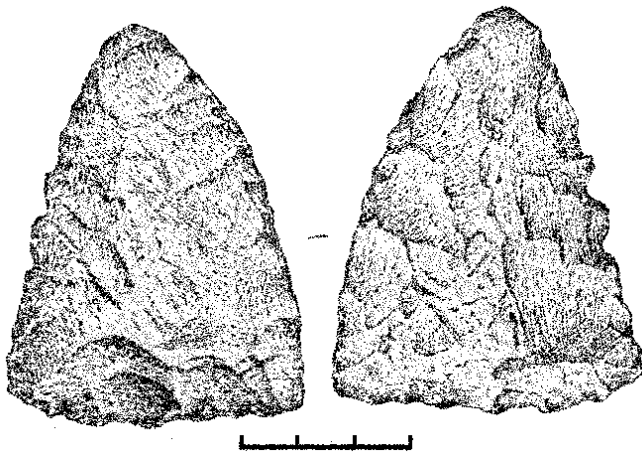

Рис. 2. Бифас из Смоленской [Замятнин, 1949]

Если А. Н. Рогачев в качестве среднепалеолитического «прототипа» [Рогачев, 1957. С. 123] стрелецких наконечников рассматривал только наконечник из Ильской, то А. Н. Формозов, О. Н. Бадер и некоторые другие авторы писали также о наличии близких форм в Староселье [Формозов, 1958. С. 85], в небольшой коллекции подъёмного материала, собранного у станции Смоленской, и «в особенности в коллекции раскопок Чокурчи 1928 г., хранящейся в Одесском музее» [Бадер, 1978. С. 216]. М. В. Аникович, однако, вещи из этих памятников в числе ранних аналогий стрелецким наконечникам не упоминал, и в отношении большинства из них это вполне понятно. Дело в том, что выемка в основании наконечника из Староселья явно возникла случайно, в результате неудачной попытки утончения базальной части этого изделия (см. об этом: [Чабай, 2011. С. 124]), имевшей, видимо, выпуклую форму (рис. 1), изделие из Смоленской имеет слабо-выпуклое основание (рис. 2), а ознакомление с сохранившейся частью старой чокурчинской коллекции показывает, что наконечников, в которых бы можно было усмотреть хотя бы отдаленное сходство со стрелецкими, в ней нет.

Сложнее ситуация с изделием из Ильской (рис. 3). С. Н. Замятнин, а вслед за ним и А. Н. Рогачев считали этот предмет наконечником, причем С. Н. Замятнин отмечал, что нижняя его часть «уточнена рядом последовательных тщательных ударов для лучшего укрепления в древке» [Замятнин, 1934. С. 212]. М. В. Аникович не принял это определение: по его мнению, рассматриваемое орудие являлось «вариацией специфического типа конвергентного подтреугольного скребла с

вентральной подтеской основания» [Аникович, 2001—2002. С. 269]. Однако при всей тонкости — если не полном отсутствии — типологической грани между остроконечниками/наконечниками, с одной стороны, и конвергентными скреблами — с другой, орудие из Ильской с его тщательно приостренным (в том числе посредством диагонального режцового скола с бруска) дистальным концом, симметричными краями и утонченным ретушью со специально изготовленной ударной площадкой основанием [Щелинский, Кулаков, 2005. С. 37] гораздо естественней вписывается в первую группу, чем во вторую. Другое дело, что некоторая (впрочем очень слабая) вогнутость основания в данном случае может объясняться скорее формой исходной заготовки, чем характером обработки, но выбор именно такой формы мог быть неслучаен. Древность слоя, откуда происходит данный предмет, остается под вопросом. В старых работах его часто определяли как «позднемустьерский», но имеющиеся естественно-научные данные, суммированные и проанализированные В. Е. Щелинским, указывают на микулинский или ранневалдайский возраст [Щелинский, 2012].

Таким образом, из всех изделий, выдвигавшихся в 50-е и 60-е гг. на роль возможных прототипов стрелецких наконечников, лишь изделие из Ильской является некоторое типологическое сходство с ними. Оно, конечно, массивней и намного толще в сечении, но тоже треугольное, с почти сплошной обработкой обеих поверхностей, с намеренным утончением вогнутого основания.

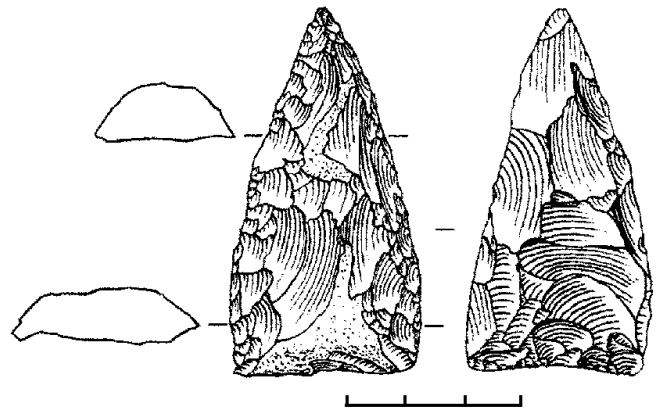

Рис. 3. Наконечник из Ильской [Щелинский, Кулаков, 2005]

Более «достойные», как полагал М. В. Аникович [Аникович, 2001—2002. С. 269], кандидаты на эту роль появились в 70-е гг. Это два орудия из комплексов крымского микока (Заскальная 5, слой 2 и Пролом 1, верхний слой), одно из бассейна Прута (грот Тринка 3, слой 3) и одно из Верхнего Подесенья (Бетово).

Предмет из 2-го слоя Заскальной 5 трудно оценить однозначно, тем более что в данном случае я могу исходить только из опубликованных описаний и рисунка (рис. 4). Ю. Г. Колосов [Колосов, 1983. С. 62] опреде-

лил эту вещь как двусторонний нож с обушком («с комбинированной площадкой для упора»), и если считать, что перед нами законченное изделие, то с таким определением нельзя не согласиться. Вместе с тем можно ли полностью исключить, как это делает, дискутируя с М. В. Аниковичем, В. П. Чабай [Чабай, 2011. С. 124—125], что вогнутый широкий конец — это на самом деле не лезвие, а насад, а продольные края, из которых один обработан сколами, а второй покрыт желвачной коркой, — это не обушки, а остатки площадок, с которых производилось утончение сломавшегося в процессе изготовления наконечника (утончающие сколы, судя по рисунку, с этих площадок действительно снимались)? Сомневаюсь. Интересно, кстати, есть ли вообще в микоке Крыма двусторонние ножи с вогнутым лезвием? Никаких упоминаний о таковых в обобщающей монографии В. П. Чабая я не нашёл. Напротив, говоря об обушковых плиточных ножах аккайской фации (к которой относится слой 2 Заскальной 5), он подчеркивает, что у них «форма ретушированного края сильно выпуклая» [Чабай, 2004. С. 34]. В сводной типологической таблице для кииккобинской фации, где скребла и ножи классифицированы в числе прочих признаков и по форме рабочего края, двусторонние орудия с вогнутым лезвием также отсутствуют [Чабай, 2004. С. 189]. Словом, на мой взгляд, не всё здесь так ясно, хотя я допускаю, что в трактовке этого изделия В. П. Чабай ближе к истине, чем М. В. Аникович.

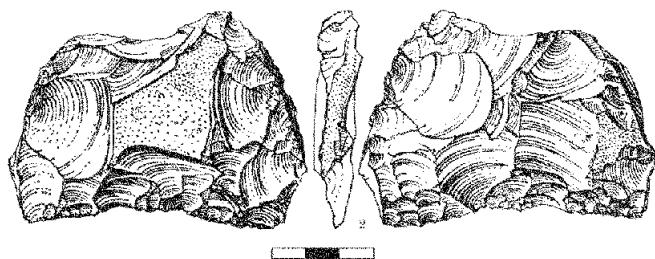

Рис. 4. Фрагмент бифасиального орудия из 2-го слоя Заскальной 5 [Колосов, 1983]

С наконечником из Пролома 1 (рис. 5) возникает вопрос иного рода. В том, что это именно наконечник [Степанчук, 2002. С. 80—81], сомневаться вряд ли приходится. Общее сходство со стрелецкими по форме здесь тоже налицо, хотя по степени уплощенности он им, конечно, уступает. Неясно, однако, каким образом получилось вогнутое основание, было ли оно создано намеренно или же явилось результатом неудачной попытки его утончения, как в случае с упомянутым выше изделием из Староселья. В. П. Чабай склоняется ко второму варианту [Чабай, 2011. С. 124], на мой же взгляд, первый не менее вероятен. Так или иначе, основание обработано довольно тщательно с обеих сторон как сравнительно крупными продольными снятиями, так и ретушью, формообразующая роль которой отражена опубликованными рисунками не в полной мере.

Рис. 5. Наконечник из верхнего слоя Пролома 1
Фото В. Н. Степанчука

В отличие от двух крымских орудий, наконечник, найденный в 3-м культурном (4-м литологическом) слое грота Тринка 3, типологически совершенно безупречен (рис. 6). Хотя дистальный конец этого орудия утрачен, оставшаяся часть дает достаточно четкое представление о его общей форме, а характер обработки основания не оставляет сомнений в неслучайном происхождении его вогнутости (пусть и незначительной). По степени уплощенности это изделие не уступает самым совершенным костенковским образцам, отличаясь, правда, от них более крупными размерами (длина сохранившейся части составляет 63 мм, а длина целого орудия, видимо, была порядка 85—90 мм при максимальной ширине 47 мм и толщине, не превышающей 6 мм). Почти столь же сильную уплощенность имеет и обломок (дистальная половина) другого бифасиального наконечника, найденного в этом же слое [Анисюткин и др., 1986. Рис. 34, 4]. Обе эти вещи вполне вписались бы в верхнепалеолитический контекст, тем более что треугольные наконечники с вогнутым основанием в верхнем палеолите Прутско-Днестровского региона действительно известны (Рипичени-Извор, Гординешты 1). Поскольку коллекция каменных изделий, происходящих из слоя, невелика (всего 18 предметов) и других типологически выразительных вещей в ней нет, возникает вопрос о правомерности отнесения комплекса к среднему палеолиту. Имеющиеся фаунистические остатки не позволяют оценить возраст отложений в сколько-нибудь узких рамках. В 2011 г. С. И. Коваленко специально провёл дополнительную шурфовку отложений грота, чтобы получить данные для уточнения их возраста. В 2012 г. по предоставленному им образцу рога северного оленя из 4-го литологического (3-го культурного) слоя Тринки 3 в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН бы-

ла получена дата $19\,700 \pm 250$ л. н. (JE-9735). Вкупе со сделанными выше замечаниями о морфологии наконечника с вогнутым основанием и сопровождающего его обломка другого листовидного наконечника эта дата, я считаю, хотя и не решает вопрос окончательно, но всё же склоняет чашу весов в пользу мнения, согласно которому индустрия слоя является верхнепалеолитической. Более того, возможно, она относится даже не к ранней, а к средней поре верхнего палеолита.

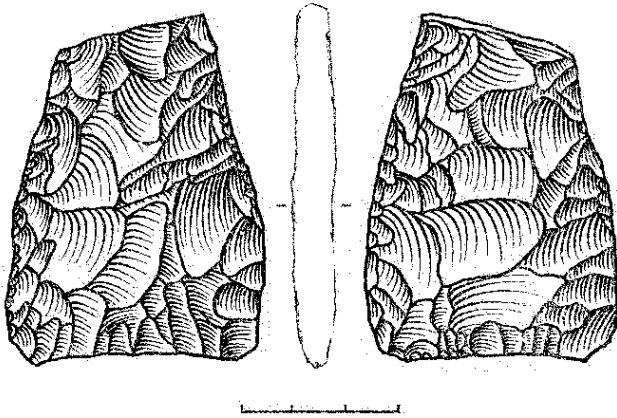

Рис. 6. Наконечник из Тринки [Анисюткин, Борзьяк, Кетрару, 1986, с дополнением]

Последнее изделие, которое входит в интересующую нас группу, — это обломок сильно уплощенного бифасиального орудия из среднепалеолитического культурного слоя стоянки Бетово, точнее, два обломка, составляющие фрагмент базальной (предположительно) части этого орудия (рис. 7). Точно восстановить по этому фрагменту форму целого вряд ли возможно. Реконструкция, предложенная Л. М. Тарасовым, считавшим данный предмет обломком наконечника с вогнутым основанием и видевшим в нем прототип стрелецких наконечников, а в бетовской индустрии — связующее звено между средним и верхним палеолитом [Тарасов, 1999], вполне реалистична, но при желании ее всё же можно поставить под сомнение. Не исключено, что в какой-то мере ситуацию мог бы прояснить анализ следов износа на вогнутом крае фрагмента: если бы оказалось, что они отсутствуют или представляют собой следствие крепления в древке, то это (особенно второй вариант) повысило бы вероятность того, что перед нами обломок именно наконечника, а не ножа/скребла с вогнутым лезвием. По совокупности стратиграфических, литологических и палеомагнитных данных, полученных в результате новых полевых исследований, проведенных на памятнике в 2009 г., было сделано предварительное заключение, что культурный слой относится скорее не к раннему валдаю, как предполагалось ранее [Тарасов, 1977. С. 29], а к первой половине средневалдайского времени [Ochednoi et al., 2014]. Есть надежда и на получение радиоуглеродных дат по образцам кости из этого слоя (в работе).

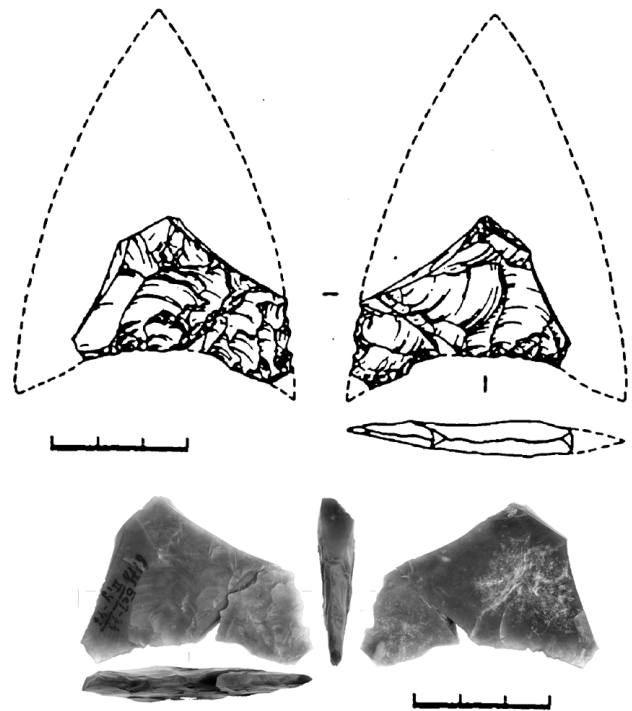

Рис. 7. Обломок двусторонне обработанного изделия из Бетово. Вверху реконструкция Л. М. Тарасова [Тарасов, 1991], внизу фото А. К. Очередного

В итоге получается, что ни одна из описанных здесь вещей не может с абсолютно полной уверенностью рассматриваться как пример среднепалеолитического «пробора» общей формы стрелецких наконечников. Тем не менее для, по крайней мере, трех из них — из Ильской, Пролома 1 и Бетово — такая трактовка не исключена, а для двух последних очень вероятна. Подчеркну, что речь идет лишь о сходстве основных морфологических характеристик (треугольная форма, вогнутое утонченное основание, сплошная двусторонняя обработка), а не о полном технологическом тождестве. В этой связи не могу не процитировать М. В. Аниковича. Отвечая критикам, указывающим на и без того очевидные различия в технологии изготовления средне- и верхнепалеолитических орудий, рассматривавшихся им в качестве возможных свидетельств преемственности между микоком и стрелецкой культурой, он писал: «При поисках культурно-генетических связей между археологическими эпохами никак нельзя ориентироваться на технологическое сходство. Более того, надо признать заранее, что если комплексы, так или иначе связанные генетически, принадлежат разным эпохам, то в технологическом отношении они всё равно обязательно будут различаться». И далее «...культурно-генетическое родство есть не что иное, как передача культурных традиций... Естественно, при такой глобальной трансформации, как смена археологических эпох, речь может идти только о редуцированной (и даже очень сильно редуцированной!) передаче. В каменных индустриях культурные традиции наиболее ярко проявляются в фор-

мооброзовании (в типах, если угодно). Следовательно, при попытках установить связи между мустьерскими и ранними верхнепалеолитическими индустриями необходимо ориентироваться именно на сходство форм орудий». «Таким образом, в поисках генетических связей между средне- и верхнепалеолитической эпохами на конкретно-историческом уровне мы можем в лучшем случае обнаружить некий слабый типологический след — типологическую связь между индустриями, заведомо разными в технологическом отношении» [Аникович, 2013. С. 285—286].

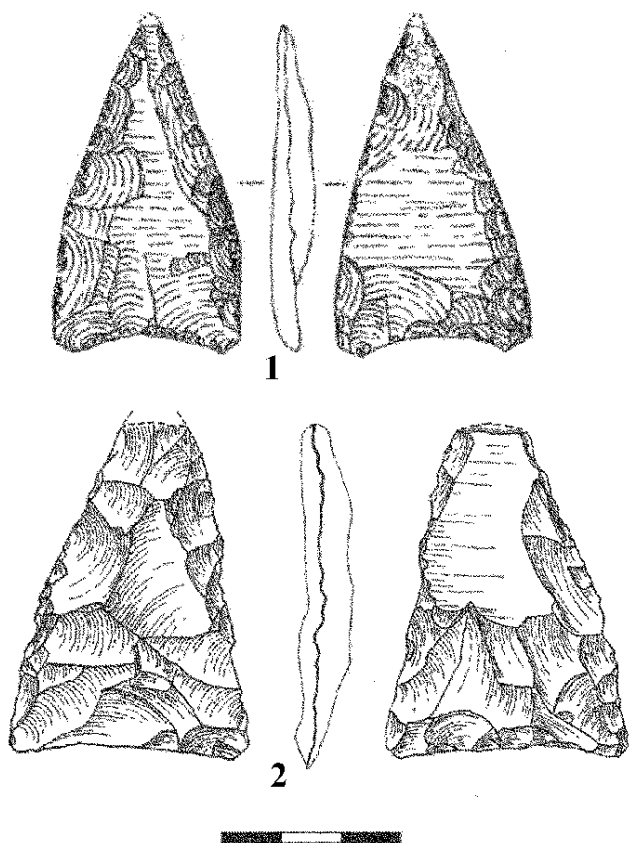

Рис 8. Треугольные наконечники из пещеры Сибуду (средний палеолит, Южная Африка). 1 — по: [Wadley, 2005]; 2 — по: [Villa and Lenoir, 2006]

В заключение хочу обратить внимание еще на одно обстоятельство. Хотя число возможных среднепалеолитических «прототипов» стрелецких наконечников в Восточной Европе очень невелико, за ее пределами их, кажется, нет вообще. Более или менее близкие аналогии есть в солютре Северной Испании и Западной Франции [Schmidt 2013], очень много похожих форм в неолите разных регионов, а вот в среднем и раннем верхнем палеолите треугольные бифасиальные наконечники с вогнутым основанием встречаются, насколько мне известно, только на памятниках Русской равнины и смежных с ней районов. Есть, правда, нечто подобное в среднем палеолите Южной Африки (рис. 8), но это очень далеко от нашей темы. Найти же примеры похожих орудий в Центральной и Западной Европе мне не удалось (допускаю, что мог что-то упустить, но и зарубежные коллеги, с кем я беседовал на эту тему, не вспомнили о таких находках). Упомянутые А. А. Формозовым [Формозов, 1958. С. 85] предметы из Венгрии и Германии, опубликованные в сводке Г. Фройнд [Freund, 1952], так же далеки от интересующего нас типа, как находки из Староселья и Смоленской (см. выше). Следовательно, если, признавая сходство, объяснять его в данном случае не преемственностью традиций, а случайным совпадением, ограниченностью вариантов формообразования, то надо ответить на вопрос, почему совпадения случались и ограниченность вариантов формообразования проявлялась только в одном регионе Европы.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00345-а, и РФФИ, проект № 14-06-00139-а. Я искренне благодарен В. Н. Степанчуку за доступ к коллекции Пролома 1 и предоставленную для публикации фотографию наконечника из верхнего слоя этого памятника, С. И. Коваленко за содействие в получении доступа к коллекции Тринки 3 и предоставленный для датирования образец рога, И. В. Бруяко за доступ к коллекции Чокурчи и А. К. Очередному за разрешение опубликовать сделанную им фотографию орудия из Бетово.

Список литературы

Аникович, 1983: Аникович М. В. О возможных юго-западных корнях костенковско-стрелецкой культуры // Первобытные древности Молдавии. Кишинев, 1983.
 Аникович, 2001—2002: Аникович М. В. Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между средним и верхним палеолитом // *Stratum plus*. 2001—2002. № 1.
 Аникович, 2013: Аникович М. В. Еще раз о проблеме происхождения верхнего палеолита, или «Критика критической критики» // *Stratum plus*. 2013. № 1.
 Анисюткин и др., 1986: Анисюткин Н. К., Борзьяк И. А., Кетрару Н. А. Первобытный человек в гротах Тринка I—III. Кишинев, 1986.

Бадер, 1961: Бадер О. Н. Стоянка Сунгирь, её возраст и место в палеолите Восточной Европы // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. 1961. Т. 18.
 Бадер, 1978: Бадер О. Н. Сунгирь: верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978.
 Гладилин, Демиденко, 1989: Гладилин В. Н., Демиденко Ю. Э. К происхождению костенковско-стрелецкой культуры: Европа или Азия? // Четвертичный период. Палеонтология и археология. Кишинев, 1989.
 Замятнин, 1934: Замятнин С. Н. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения // Труды II Междунар. конф. Ассоциации исследователей четвертичного периода Европы. 1934. Вып. V.

- Замятнин, 1949: *Замятнин С. Н.* Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани // Сб. МАЭ. 1949. Т. 12.
- Колосов, 1983: *Колосов Ю. Г.* Мустьерские стоянки района Белогорска. Киев, 1983.
- Матюхин, 2012: *Матюхин А. Е.* Бирючья Балка 2: Многослойный палеолитический памятник в бассейне Нижнего Дона. СПб., 2012.
- Окладников, 1954: *Окладников А. П.* Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований // СА. 1954. № XXI.
- Рогачев, 1950: *Рогачев А. Н.* О нижнем горизонте культурных остатков Костенок I // Краткие сообщения ИИМК. 1950. Вып. 31.
- Рогачев, 1957: *Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. 1957. № 59.
- Тарасов, 1977: *Тарасов Л. М.* Мустьерская стоянка Бетово и её природное окружение // Палеоэкология древнего человека. М., 1977.
- Тарасов, 1991: *Тарасов Л. М.* Палеолит бассейна Десны: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1991.
- Тарасов, 1999: *Тарасов Л. М.* О переходе от мустье к позднему палеолиту // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999.
- Формозов, 1958: *Формозов А. Н.* Пещерная стоянка Староселье и её место в палеолите // МИА. 1958. № 71.
- Чабай, 2011: *Чабай В. П.* Проблема сходства специфических типов орудий крымского микока и стрелецкой культуры // Палеолит и мезолит Восточной Европы. М., 2011.
- Щелинский, 2012: *Щелинский В. Е.* Об Ильской мустьерской стоянке // Sratum plus. 2012. № 1.
- Щелинский, Кулаков, 2005: *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Ильская мустьерская стоянка (раскопки 1920—1930-х годов). СПб., 2005.
- Bordes, 1972: *Bordes F.* Du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur, continuité ou discontinuité? // The origin of *Homo sapiens*. Paris, 1972.
- Chmielewski, 1972: *Chmielewski W.* The continuity and discontinuity of the evolution of archaeological cultures in central and eastern Europe between the 55th and 25th millenaries B. C. // The origin of *Homo sapiens*. Paris, 1972.
- Delporte, 1963: *Delporte H.* Le passage du Moustérien au Paléolithique supérieur. Aurignac et l'Aurignacien // Bulletin de la Société Méridionale de Spéléologie et de Préhistoire, 1963. V. 6—9.
- Freund, 1952: *Freund G.* Die Blattspitzen des Paläolithikums in Europa. Bonn, 1952.
- Ocherednoi et al., 2014: Ocherednoi A., Salnaya N., Voskresenskaya E., Vishnyatsky L. New geoarcheological studies at the Middle Paleolithic sites of Khotylevo I and Betovo (Bryansk oblast, Russia): some preliminary results // Quaternary International. 2014. V. 326—327. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1040618213008707>
- Schmidt, 2013: *Schmidt I.* The Solutrean concave based points from Northern Spain: Analysis of production, hafting, maintenance and recycling // Pleistocene Foragers: Their Culture and Environment. Mettmann, 2013.
- Villa, Lenoir, 2006: *Villa P., Lenoir M.* Hunting weapons of the Middle Stone Age and Middle Palaeolithic: spear points from Sibudu, Rose Cottage and Bouheben // Southern African Humanities. 2006. V. 18.
- Wadley, 2005: *Wadley L.* A Typological study of the final Middle Stone Age stone tools from Sibudu Cave, Kwazulu-Natal // The South African Archaeological Bulletin. 2005. V. 60. Nr 182.